

Археологические вести

— 26 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

А. В. С.

Archaeological news

26
(2020)

On the 90th anniversary of Aleksandr Danilovich Grach

SAINT PETERSBURG
2020

Археологические вести

26
(2020)

К 90-летию Александра Даниловича Грача

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвоцинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители: А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба

Рабочая группа: В. С. Бусова, М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, Д. Г. Савинов

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор И. Л. Тихонов, доктор исторических наук, профессор В. В. Бобров

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. – 1992. – **Вып. 26** / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. – СПб., 2020. – 304 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередном выпуске «Археологических вестей» ИИМК РАН публикуются избранные материалы, представленные участниками конференции «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург – 2», прошедшей в г. Санкт-Петербурге в декабре 2018 г. Конференция была приурочена к 90-летию со дня рождения А. Д. Грача – выдающегося отечественного археолога, крупного исследователя древностей Центральной Азии и основателя двух направлений в рамках ленинградской археологической школы: археологического изучения Тувы и археологического изучения Ленинграда / Санкт-Петербурга. Отдельный раздел затрагивает актуальные проблемы спасательных археологических исследований в зонах затоплений на примерах работ отечественных и иностранных ученых. В мемориальной части помещены воспоминания младших коллег и друзей А. Д. Грача о его научном пути в археологии, разносторонне характеризующие его личность и вклад в развитие археологии Тувы и Санкт-Петербурга. Важную часть составляют документальные свидетельства, связанные с работой А. Д. Грача в ЛОИА АН СССР, его руководством крупнейшей в СССР Саяно-Тувинской экспедицией Академии наук, а также решение Ученого совета ИИМК РАН об ошибочности его увольнения из ЛОИА АН СССР и признании его заслуг перед отечественной археологией. Издание сопровождается фотографиями, хранящимися в Научном архиве ИИМК РАН и в личных архивах авторов, многие из которых публикуются впервые.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS includes selected materials presented by participants of the conference “Ancient cultures of Central Asia and Saint Petersburg – 2” held in Saint Petersburg in December, 2018, and timed to the 90th anniversary of A. D. Grach – a prominent national archaeologist, outstanding researcher of antiquities of Central Asia and the founder of two Leningrad archaeological schools: archaeological studies of Tuva and archaeological investigations of Leningrad / Saint Petersburg. A particular section is concerned with urgent problems of rescue archaeological investigations in submergence zones at the examples of Russian and foreign scholars. The memorial part contains reminiscences by younger colleagues and friends of A. D. Grach about his scientific career in archaeology characterizing many aspects of his personality and his contribution to the progress of archaeology of Tuva and Saint Petersburg. An important part was constituted by documentary evidence concerned with A. D. Grach’s work in the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA), AS USSR, and his guidance of the largest in the USSR Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences, as well as the resolution of the Scientific Council of IIMK on the fallaciousness of his dismissal from the LOIA AS USSR and recognition of his service to the national archaeology. The publication includes photographs kept at the Scientific Archives of IIMK RAS and in personal archives of the authors; many are published for the first time.

Обложка / Cover:

Первая страница – Роговая поясная пряжка из кургана 13 могильника Саглы-Бажи II (к статье Л. С. Марсадолова)

Fist page of cover – Horn belt buckle from barrow 13 at the cemetery of Sagly-Bazhi II (article by L. S. Marsadolov)

Четвертая страница – Дорога в Старый Шагонар (ныне – дно Тувинского моря) и петроглифы Овьюра (петроглифы – к статье В. С. Бусовой, М. Е. Килуновской)

Fourth page – Road to Stary (Old) Shagonar (now bottom of the Tuva Sea) and petroglyphs in Ovyur (petroglyphs – article by V. S. Busova and M. E. Kilunovskaya)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

ISSN 1817-6976

АРХЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА В ВЕК ПЛОТИН: ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ПО ИРАКУ

Сент-Джон Симпсон¹

Аннотация. Начиная с 1950-х гг. по всему миру осуществляются крупномасштабные проекты строительства плотин. Археологические аспекты строительства сильно различаются, даже в пределах одной страны. История взаимоотношений гидростроительства и археологии представляет собой богатую, но порой противоречивую смесь политики и случайных благоприятных обстоятельств. Несмотря на политику времен холодной войны, международные организации сотрудничали на Ниле, Евфрате и Тигре, и результаты этой работы изменили наши представления о Нубийской, неолитической и других важнейших эпохах, а также о зонах взаимодействия между регионами, которые рассматривались как очаги цивилизаций. Вслед за кратким обзором истории гидростроительной археологии на Среднем Востоке в данной статье рассматриваются осуществление некоторых из подобных проектов в Ираке.

Annotation. Since the 1950s large-scale dam projects have been carried out across the world. The archaeological component has varied greatly, even within some countries. The history of dams and archaeology is a rich but sometimes contentious mix of politics and opportunity. Despite the Cold War politics, international teams collaborated on the Nile, Euphrates and Tigris, and the results transformed understanding of Nubia, the Neolithic and many other key periods as well as the interconnection zones between regions previously regarded as heartlands of civilisation. After a brief review of the history of dam archaeology in the Middle East, this paper looks at the development of some of these projects in Iraq.

Ключевые слова: охранный археология, гидротехническая политика, сэр Уильям Уиллкокс, Ирак, «Институт Гидропроект», Доканская плотина, Дарбандиханская плотина, плотина Бехме, Хамринская плотина, плотина Хадита, Эски-Мосульская плотина.

Keywords: Rescue archaeology, water politics, Sir William Willcocks, Iraq, Institute Hydroproject, Dokan Dam, Darbandikhan Dam, Bekhme Dam, Hamrin Dam, Haditha Dam, Eski Mosul dam.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-260-271

Введение

Водные ресурсы ограничены. Несмотря на то, что водой покрыты три четверти поверхности Земли, пресная вода составляет только 3 % от этих запасов, и к тому же она неравномерно распределена, поэтому тысячелетиями человечество боролось за водные ресурсы, причем древнейшие столкновения из-за воды зарегистрированы уже в 2400 г. до н. э. в надписи на пограничном столбе в Южном Ираке (Finkel, Rey and Schulz-Dornburg, 2018). На многих реках в мире располагаются свыше 40 000 крупных плотин, обеспечивая гидроэнергию, питьевую воду и ирригацию. Стоимость этих дамб велика, часто их целесообразность сомнительна, и, кроме того, требуются археологические исследования до заполнения водохранилищ. Ирак был в числе первых стран, которые

настояли на проведении таких работ. Результаты этих исследований представили в совершенно новом свете регионы этой страны, где до того был малоизвестен характер расселения человека.

На большей части Ближнего Востока климат характеризуется жарким засушливым летом и скудными осадками, приходящимися в основном на период между сентябрем и апрелем. Вследствие этого дебит воды в реках сильно колеблется и, за исключением Нила, который наполняется за счет летних дождей на Восточно-Африканском плоскогорье, период полноводья приходится на конец зимы или весну в зависимости от величины водосбора и определяется в основном таянием снегов. Массивы устойчиво орошаемых земель поэтому лимитируются периодами маловодного режима рек: уменьшение прихода воды в засушливые годы может приводить к неурожаям и голоду, а наводнения представляют собой угрозу во влажные годы. В начале 1950-х гг. прогресс в инженерном деле предложил решение этой про-

¹ United Kingdom, WC1B 3DG, London, Great Russell St.
The British Museum, Department of the Middle East.
E-mail: ssimpson@thebritishmuseum.ac.uk.

блемы путем строительства крупных плотин, позволяющих предотвращать наводнения, накапливать воду для круглогодичного использования и производства гидроэлектрической энергии для растущего населения и современной промышленности. Стоимость строительства велика, но считается, что в масштабах страны она компенсируется долговременной экономической выгодой, а также национальным престижем при осуществлении таких монументальных инфраструктурных проектов. Крупные плотины практически всегда возводятся в районах, где человеческая деятельность исчисляется на протяжении тысячелетий. Их сооружение имеет значение не только для археологии, но и оказывает влияние на традиционный образ жизни и культуру, так как местное население зачастую вынуждено переселяться, а долговременное воздействие на местную геологию и гидрологию до сих пор не до конца изучено. Противоречие между необходимостью охранять прошлое и нуждами современного общества признавал в свое время президент Египта Гамаль Абдель Насер: «Сохранение наследия человечества не менее важно, чем постройка плотин, возведение фабрик и повышение благосостояния народов» (*Brandt and Hassan eds, 2000. P. 12*).

Спасательные археологические исследования, предвещающие заполнение водохранилищ, были начаты в Египте серией работ по гидростроительству у Первого нильского порога в районе Асуана. Первая Асуанская плотина была построена в 1902 г. При этом были учтены рекомендации британских инженеров, приглашенных из Индии. Перед ними была поставлена задача разработки метода сохранения воды, поступающей во время наводнений, с целью удвоения урожая хлопка, когда возникла нехватка последнего на фабриках по производству тканей в Ланкашире вследствие Гражданской войны в Америке. Вскоре была высказана озабоченность тем, что могли быть затоплены храмы богини Хатхор на острове Филы. В этой связи инженер сэр Уильям Уиллкокс заметил, что стоимость плотины может быть полностью окуплена просто продажей храмов из Фил какому-нибудь американскому миллиардеру с реконструкцией их в Нью-Йорке (*Sandes, 1937. P. 382*). Возникшие протесты привели к тому, что храмы были раскопаны таким образом, что их фундаменты могли быть укреплены, а уровень плотины ограничен так, что лишь только нижняя часть храмов была частично подтоплена. Однако экономические нужды возобладали, и в 1907–1910 гг. дамба была поднята, позволив уровню воды в водохранилище возрасти на 7 м. Ввиду щекотливости вопросов, связанных с проектом, был учреж-

ден «Первый археологический обзор Нубии», и его работы оказались фундаментально важными для изучения Среднего Нила. Третье повышение плотины между 1929 и 1934 гг. привело к повышению уровня воды в водохранилище еще на 7,4 м, что вызвало к жизни проект «Второй археологический обзор Нубии» (храмы Фил были спасены только в рамках проекта новой Высотной Асуанской плотины в 1970 г.).

Во время Второй мировой войны гидростроительство на Ближнем Востоке приостановилось, но было возобновлено в начале 1950-х гг. с началом ожесточенного политического и экономического противостояния времен холодной войны. Египет, Сирия и Ирак склонялись на сторону Советского Союза, а Турция рассчитывала на европейскую финансовую помощь и опыт, в то время как шах Ирана опирался на Америку. За исключением Ирана, все уделяли внимание археологии, и в результате возникло широкое сотрудничество, которое расширило наши представления о древнем расселении вдоль среднего течения Нила (*Säve-Söderberg, 1987; Hassan, 2007; Welsby, 2008*), среднего Евфрата и в Юго-Восточной Турции (*Bahnassi et al., 1974; Margueron, 1977; Whallon, 1979; Lupton, 1996; Tuna & Öztürk eds, 1999; Olmo Lete & Montero Fenollós eds, 1999*). С этого времени в Турции и Иране строительство плотин расширилось, так как обе страны приобрели свой собственный опыт гидростроительства, но, к сожалению, теперь археологические исследования стали весьма ограниченными (*Özdoğan, 2000; Ghase-mi, 2014; Marchetti et al., 2019*). В данной статье рассматриваются материалы Ирака, где последовательно уделялось большое внимание этому аспекту, что, однако, недостаточно известно специалистам, за исключением тех, кто непосредственно занимается Месопотамией (рис. 1).

Водное хозяйство и охранные проекты в Ираке

Контроль над своими реками с доисторических времен являлся доминирующим фактором в жизни Ирака. Водохозяйственные схемы уходят корнями уже в VI тыс. до н. э. и со временем достигли высокой степени сложности. Споры, касающиеся распределения и доступа к воде, вызывали напряженность на протяжении всей истории Месопотамии, а коллективная память об угрозе наводнений, как вызванных реками, так и вследствие подъёмов уровня моря в Персидском заливе, легла в основу историй о потопе в шумерском эпосе о создании мира, перекочевав оттуда в Ветхий Завет.

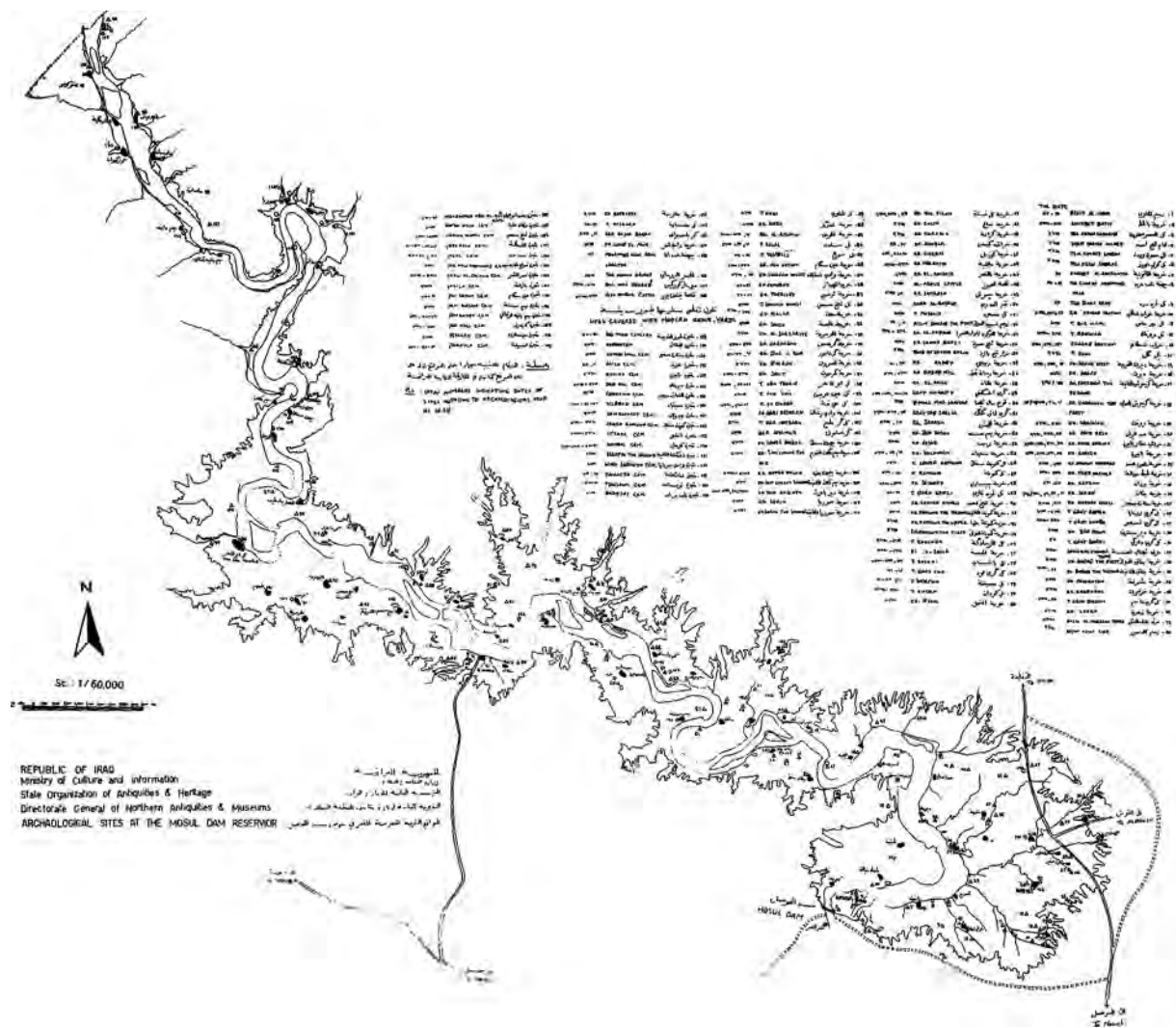

Рис. 1. Карта памятников в районе Мосульской плотины, подготовленная к началу охранного проекта
 Fig. 1. Map of sites in the Mosul Dam prepared at the beginning of the salvage project

В разные периоды власти пытались снизить риск наводнений и улучшить орошение путем устройства каналов, постройкой шлюзов и дамб и борьбой с засолением. В сасанидский период водная инженерия достигла нового уровня с объединением Евфрата, Тигра и множества притоков последнего в единую тщательно контролируемую систему, которая в конце концов связала равнины Киркука с вершиной Персидского залива. Масштабы этой общеимперской системы позволяли транспортировать воду на большие расстояния, снижали риски как наводнений, так и нехватки воды и позволяли осуществлять постоянное орошение для выращивания водолюбивых летних культур таких, как хлопок и зерновые. Кроме того, эта система позволяла расширять земельные угодья, и, как свидетельствуют археологические данные, это

обеспечивало уровень сельскохозяйственного и городского развития в зоне месопотамского аллювия. В последующие столетия структура земледелия сократилась до более скромных масштабов, а в южной дельте возросла заболоченность.

В конце XIX в. оттоманские власти понимали необходимость новой системы водного регулирования. Они начали регистрацию выпадения осадков и пригласили У. Уиллкокса для разработки планов, основанных на его опыте, полученном в Индии и Египте (Willcocks, 1911). Первая и Вторая мировые войны прервали выполнение его рекомендаций, но в Хиндии и Куте были построены первые две плотины. Другие ирригационные проекты подмандатного периода включали Абу-Грейбский канал и Хавиджский проект, а в 1938 г. была опубликована детальная оценка ги-

дрологии Тигра – Евфрата, привлекающая внимание к древним каналам на Киркукской равнине и подтолкнувшая инженеров рассмотреть возможность их восстановления для увеличения водоснабжения в Дияльском регионе. Так начались охранные археологические проекты в Ираке: строительство Хавиджской, Мусайибской и Дияльской ирригационных систем инициировало спасательные раскопки в Телль-Махузе, исследования памятника V тыс. до н. э. Рас аль-Амийя и первых разведок в провинции Дияла.

Однако Багдад продолжал страдать от сильных наводнений, и новоучрежденный Комитет по развитию Ирака вскоре объявил о планах по восьми крупным водохозяйственным проектам, из которых четыре уже начали реализовываться, а остальные планировалось осуществить за десятилетие. Причиной выбора таких сроков было огромное увеличение бюджета вследствие национализации нефтяной промышленности в 1951 г. и поступление в Комитет 70 % нефтяных доходов.

В 1948 и 1951 гг. две плотины были построены на Евфрате в Рамади. Солецки заметил, что «у нас есть все основания полагать, что этот бассейн [Хаббания] использовался древними вавилонянами для предупреждения наводнений и накопления воды» (Solecki, 1953. P. 104). Однако не ясно, были ли проведены какие-либо археологические разведки для подтверждения этой гипотезы. Как часть инженерных работ на Тигре, Тартарский отвод наводнений включал дамбу, предназначенную для сброса паводковой воды в Тартарскую соляную впадину к югу от Хатры по линии сасанидского линейного барьера, известного как эль-Мутаббак. Хотя оттоманские источники указывают, что эта впадина являлась важным объектом для скотоводов-бедуинов, детальных археологических разведок не проводилось и считалось, что на этой территории археологических памятников не было.

Остальные проекты касались плотин, предназначенных для предупреждения наводнений, снабжения водой для орошения, диверсификации источников энергии и выработки гидроэлектроэнергии. С того времени потребности в энергии во всем Ираке значительно возросли, и произошло сильное сокращение поступления воды из Тигра и Евфрата вследствие сооружения плотин в верхнем течении, а также из-за уменьшения количества осадков вслед за глобальными изменениями климата: роль указанных плотин и управление водными ресурсами приобрели еще более критичный характер.

Доанская плотина. Эта плотина была расположена на Малом Забе на площади от 230 до 270 кв. км. Одной из ее функций была подача воды для орошения

рисовых полей, однако острая потребность в энергии при пиковых нагрузках потребовала возведения еще и гидроэлектростанции, которую спроектировали и построили советские и югославские инженеры. В 1955 г. иракская группа археологов картографировала в долине около 40 курганов, датированных начиная с VI тыс. до н. э. В течение четырех лет были проведены раскопки пяти самых крупных памятников (Карашина, Телль-Базмусиан, Телль-Шемшара, Камариан, Телль эд-Деим) и археологическая разведка на нескольких других (*al-Soof*, 1970). В 1957 г. датский отряд работал в Шемшара, но свержение Хашемитской монархии в революции 14 июля 1958 г. не позволило возобновить исследования. Недавно археологи вернулись в этот район, возобновили раскопки в Шемшара (*Eidem*, 2015), обнаружили каменный рельеф в его северной части и ранее неизвестную ассирийскую крепость, а также древний парфянский город, расположенный сразу над зоной затопления и господствующий над перевалом.

Плотина Бехме. Она расположена в верховьях Большого Заба и его притоке р. Равандуз. Предполагалось, что это будет двухэтапный проект, предусматривавший сначала паводковый бассейн высотой 515 м, который планировалось поднять до высоты 550 м на более позднем этапе. Здесь найдены несколько пещер, заселенных в древности. Наиболее известной из них стала пещера Шанидар (*Solecki*, 1972). Плотина до сих пор находится на первом этапе строительства, ее обоснование и стоимость ставят под сомнение, будут ли построены дамбы в Эски Мосуле и Фатха, тем не менее считается, что этот проект будет целесообразен, если потребности в электроэнергии возрастут; однако крупные водохранилища вверх по течению в Турции, а также возрастание потребности в ирригации могут повлиять на эффективность плотины в Эски Мосуле.

Спасательный проект Хамринской плотины. Хамринский бассейн расположен на востоке Центрального Ирака сразу выше места, где р. Дияла прорывается сквозь горы, отделяющие нагорье от равнин на юге. Это пограничный ландшафт, контролирующий пути, связывающие по верхней Дияле район Киркука в Северном Ираке, район Керманшаха в Западном Иране через Джалула и Центральный Ирак по нижней Дияле. Таким образом, Хамринский бассейн испытывал различные внешние политические и культурные влияния, поэтому неудивительно, что здесь можно обнаружить более заметное присутствие северомесопотамских и западноиранских материалов, чем далее к югу.

Еще в 1923 г. было предложено возвести плотину в точке, где Дияла входит в Джабал Хамрин, однако

она была построена лишь в 1980 г. Спасательный проект осуществлялся с 1977 по 1984 г.: экспедиции из не менее 14 стран раскопали 75 из зафиксированных 86 памятников, датированных с докерамического периода до более позднего времени (Various, 1981a; Gibson ed., 1981. P. 11–27). Они располагались вдоль рек Дияла и Нарин и сильно различались по размеру: несмотря на то, что данный бассейн лежит вне зоны максимальной аллювиации, все ранние памятники были погребены под толстым наносным слоем осадков. Некоторые из наиболее значимых материалов датируются V тыс. до н. э.: в Телль-Абада была целиком раскопана деревня, сгоревшее строение в Телль-Мадхур сохранилось с содержимым помещений *in situ*, также значительными площадями были раскопаны несколько других поселений. IV тыс. до н. э. представлено лишь тремя памятниками, но последующий период Ранней династии I оказался более насыщенным: все поселения этого периода были укреплены и, по-видимому, составляли цепочку, тянущуюся на север и связанную общим комплексом «алой керамики» («Scarlet Ware») и характерным погребальным обрядом. За этим периодом последовало время расцвета с конца III до конца II тыс. до н. э. и относительно большим количеством земледельческих поселений. В Телль-Сулеймех, Телль-Йелхи, Телль-Халлавах и ас-Сиб были раскопаны фундаментальные административные здания периода Исин-Ларса, большой жилой квартал был расчищен в Халлавах, и интереснейшие касситские руины исследованы в Йелхи. По сравнению с этим, поселения периодов Ур III, Старого Вавилона, поздней Ассирии и ахеменидской и селевкидской эпох были малозначительны. На 19 памятниках обнаружены сасанидские материалы, в основном в северо-восточной и юго-восточной частях бассейна, поблизости от путей, ведущих на Иранское нагорье или вниз по Дияле. Некоторые из этих поселений были укреплены, и одно из них, возможно, являлось местным административным центром, так как здесь, в сгоревшем помещении архива, найдено свыше 800 глиняных булл, что является крупнейшим археологическим открытием такого рода в Ираке.

Спасательный проект Хадитской плотины (Кадисийя). Евфрат выше по течению от Хита загроможден низкими известняковыми барьерами. Существует естественный раздел, почти в точности следующий современной границе между Ираком и Сирией. Здесь долина полностью опустела, однако далее вниз по течению она несколько расширяется и характеризуется серией островов посредине реки и очень узкой полоской плодородной земли, протянувшейся почти

на 200 км по обоим берегам. Из-за таких природных препятствий историческое заселение этой территории ограничивалось островами, а могильники располагались на бесплодной местности над поймой и представляли собой либо курганы, либо каменные ящики или камеры, вырубленные в скале. Эта же территория была выбрана ассирийскими и римскими военачальниками с целью контроля над путями вдоль долины, а также для доступа в прилегающие степи и из них. Всегда нужно помнить, что, хотя реки являются природными границами, их долины представляют собой коридоры для передвижения.

В соответствии с полученными ранее рекомендациями, иракское правительство решило построить плотину вверх по течению от Хадиты. Она была спроектирована советским Министерством энергетики и сооружена югославскими инженерами в 1977–1987 гг. Ее назначением были выработка гидроэлектрической энергии и обеспечение водой для ирригации, однако генерация электричества значительно упала после постройки водохранилищ в Сирии и Турции. Были проведены предварительные археологические разведки в Ираке, а работавшие тогда в бассейне Хамрина иностранные археологические отряды получили приглашение подключиться к этому новому проекту. С 1978 по 1984 г. в общей сложности 36 памятников от старовавилонского до османского периодов были раскопаны отрядами из восьми стран (Various, 1981b; Kepinski, Lecomte & Tenuk eds, 2006). Результатом явилось открытие ряда поздневавилонских и позднеримских укреплений, показывающих, насколько строго в оба эти периода контролировался этот регион, в первом случае выходящий к арабам на юге, во втором – на восток в Парфию.

Охранный проект Эски-Мосульской плотины. Эски-Мосульская плотина является многоцелевой дамбой, первоначально называвшейся Сухлидж, Эски-Мосул или плотиной Саддама, а теперь известной как Мосульская плотина. Выбор ее местоположения и высоты был сделан на основе геологических разведок и рекомендаций, многие из которых учитывали слабую геологию и склонялись в пользу дамбы с заполнением скальной породой и сердцевинной из уплотненной глины. Строительство плотины было завершено в 1986 г., она представляет собой грунтовую дамбу высотой 113 м с глиняной сердцевиной, у оснований залитую бетоном. При полном заполнении водохранилище разливается на площадь более 371 кв. км, при этом 8,16 куб. км используются для генерации энергии, а остальная часть предназначена только для накопления воды для ирригации.

онных проектов в Северной и Восточной Джазире. Сейчас это водохранилище известно как оз. Дохук и является самым большим в Ираке. До начала строительства власти провели археологическую разведку, картографировали 149 памятников, а в 1981 г. был запущен спасательный проект (рис. 2). Как и два предыдущих объекта гидростроительства, данный проект осуществлялся в трудный для Ирака период, поскольку страна вела затянувшуюся войну с Ираном (рис. 3–5). Около 15 организаций из 10 стран участвовали в проекте, и в конце концов зарегистрированы не менее 209 памятников (не считая палеолитических и более поздних местонахождений с каменным инвентарем). Из них было раскопано 66, однако лишь некоторые из них подробно опубликованы (*Demirji, 1987; Simpson, 2007*).

В северной оконечности бассейна долина сужается в том месте, где Тигр пробивает себе путь сквозь низкие предгорья. Памятников здесь немного. Далее на юг пойма переходит в более широкую равнину, над которой в северной оконечности возвышается высокий обрыв. Он контролирует также выход из долины на запад и юг соответственно вдоль Вади-Суваидия и Вади-Бардия, и именно здесь, в Сех-Кубба, римляне и Сасаниды держали крепость. В этой точке долина имеет 5 км в ширину и тянется на приблизительно 50 км на юго-восток, до того как она изгибается к юго-западу и сужается, пробиваясь сквозь предгорья в местности, известной как Бутмахская антиклиналь, где и находится современная плотина (рис. 5). Далее к югу долина расширяется, делая возможным более свободный проход к равнинам на востоке и западе. Именно в этой точке был основан средневековый Эски-Мосул.

Пойменная равнина была плодородной, но из-за ненадежности течения реки использовалась в основном для пастбищ. Холмистая местность над самой нижней террасой была пригодна и для земледелия. В долине выращивались зерновые культуры и овощи, а неподалеку от некоторых деревень имелись небольшие фруктовые сады. Широко было распространено скотоводство, особенно на примыкающих террасах, представляющих собой гряды волнистых холмов с оголенным почвенным покровом, во многих местах с выходами гипсовых или известняковых пород. Эта территория сезонно использовалась скотоводами. Несмотря на то, что эти холмы можно было пересечь пешком и они являлись хорошими пастбищами, для нормального сообщения они представляли барьер, так как природных проходов к окружающим равнинам здесь было немного. Исключением были пути вдоль

Вади-Суваидия, Вади-Бардия и близ Телль-Раффан, отмеченные памятниками всех периодов.

Начиная с VIII тыс. до н. э. данная часть долины привлекала население, но, так же как и в Хамринском бассейне, в разные периоды его плотность варьировала. Очень немногие памятники были заняты на протяжении нескольких сотен лет, до того как они были оставлены и вновь заселены гораздо позднее. Скорее, обычны были периодические перерывы в заселенности, чем периоды непрерывного обитания, вопреки частым утверждениям в археологической литературе. Имеются свидетельства насильственных разрушений многих поселений в течение, видимо, одного периода середины – конца III тыс. до н. э., но они представляют собой исключение, в то время как большинство памятников, вероятно, были покинуты и разрушались естественным путем, а не путем насильственного уничтожения. Для выявления причины этого требуются дальнейшие исследования.

Памятники, на которых жизнь не восстанавливалась, обычно подвергались сильной эрозии, и поэтому современная топография может приводить к весьма значительным ошибкам в отношении глубины археологических пластов: предварительное изучение Телль-Деир-Ситун указывало на многослойный памятник с отложениями до 3 м толщиной, но раскопки показали, что его застройка относилась к единому периоду II в. до н. э. со всего несколькими уцелевшими рядами кладки в основании. Еще более показательной была ситуация на более ранних однослойных памятниках: то, что представлялось многослойной насыпью 6-метровой толщины в Бардия 8, при раскопках оказалось однослойным позднеурукским поселением с лишь полуметровым слоем. Исследования разрезов в Вади-Суваидия показали относительно высокую концентрацию черепков, что могло как свидетельствовать об унавоживании, так и быть следствием вымывания из других памятников. Керамика и грубо обработанные каменные орудия были встречены на глубине до 7 м в Вади-Анзех. Единовременные саманные деревни, заброшенные с 1971 по 1974 г., не оставили никаких следов, кроме рядов каменных оснований стен и россыпи артефактов либо редких линий стен. Здесь практически отсутствовали какие-либо всхолмления и сохранились лишь редкие скопления черепков; исчезнуть могли даже небольшие холмики поселений, как выяснилось в 1987 г., когда единовременные подъем и спад воды в водохранилище полностью уничтожили местонахождение в Сияна-Уля на высоте 3,2 м.

Приведенные наблюдения имеют весьма важное значение для оценки характера доисторических

Рис. 2. Раскопки во время сезона дождей (фото автора)

Fig. 2. Excavations during the rainy season (photograph: author)

памятников, особенно там, где на этих поселениях не использовался саман: поселение Телль-Абу-Дахир начала VI тыс. до н. э. строилось из дерева и плетеных стен с обмазкой, в то время как для более поздней убейдской архитектуры этого же памятника характерны тонкие глиняные стены. Использованием любой из этих строительных традиций, не говоря уже о недолговечных надстройках, может объясняться отсутствие и на других памятниках каких-либо заметных архитектурных остатков, кроме каменных оснований стен. По этой причине многие, если не большинство сезонных или кратковременных поселений, вероятно, не были замечены в ходе работ по данному проекту, и это просто является еще одним из случаев отсутствия свидетельств, а не свидетельством отсутствия памятников.

Непосредственно до постройки плотины деревни располагались либо на пойменной равнине, либо вдоль края самой нижней (четвертой) террасы, либо гнездами – по берегам притоков. Хотя последние, вероятно, и были первоначально заполненными, но теперь в основном высохли, были узкими и глубокими. Деревни обычно располагались на расстоянии до трех километров друг от друга и значительно различались по размеру, планировке, архитектуре и этнической принадлежности. Деревни на пойменной равнине относились к недавнему времени и были построены из самана: они страдали от наводнений, но зато располагались на самой плодородной земле. Та же ситуация, возможно, имела место и в древности. Несколько других деревень на четвертой террасе имели возраст менее двух поколений, но ко времени

Рис. 3. Один из шурфов, раскопанных автором на многослойном памятнике Телль-Абу-Дахир (фото автора)
Fig. 3. One of the trenches excavated by the author at the multi-period site of Tell Abu Dhahir (photograph: author)

Рис. 4. Начало затопления Телль-Абу-Дахир в 1986 г. (фото автора)
Fig. 4. Tell Abu Dhahir begins to be submerged in 1986 (photograph: author)

Рис. 5. Аэрофотоснимок Мосульской плотины в 2014 г. (Али Хайдар-Хан / Wikimedia Commons)

Fig. 5. Aerial view of the Mosul Dam in 2014 (Ali Haidar Khan / Wikimedia Commons)

осуществления проекта были уже брошены и разрушены. По рассказам, одна из них была основана в 1945 г., но к 1982 г. уже была покинута. Это место называлось Хараб-Шаттани, и другие информаторы утверждали, что это поселение было предшественником близлежащей деревни Харабах – по этой причине ее жители все еще возделывали часть окружающих полей. Однако другие поселения были в два раза старше, в их постройках более широко использовался камень. В северной части речной долины имелись также остатки деревень, которые были перестроены или полностью брошены в недавнем прошлом, и иногда от них почти не осталось развалин. Например, редкие следы линий стен, практически никаких всхолмлений и незначительное скопление черепков – это все, что осталось от деревни Гир-Матбах, которая была брошена уже в 1974 г. Этот факт показывает, как мало различных следов могло остаться от кратковременных мест обитания.

Эски-Мосульская плотина являлась многоцелевым проектом, предназначенным для борьбы с наводнениями, обеспечения Мосула гидроэлектрической энергией и водоснабжения для планируемой крупномасштабной ирригации в Северной Джазире. На последнем регионе были сфокусированы три последних спасательных проекта. Первый из них относился к самой Северной Джазире, где были проведены ландшафтные исследования (Wilkinson & Tucker, 1995). Были раскопаны несколько памятников, но исследования были прерваны из-за политических последствий иракского вторжения в Кувейт. Иракцы планировали построить еще три дамбы: одну на ниж-

нем Адхейме и еще две на Тигре. Первая должна была располагаться приблизительно в 150 км от Багдада, и опять-таки следовала упомянутым выше рекомендациям Комитета по развитию Ирака 1950-х гг. Спасательные раскопки проводились с 1989 по 1993 г. (Sulaiman, 2011). Строительство самой плотины было закончено в 1999 г., но это было довольно незначительное сооружение с общей емкостью 1,5 млрд куб. м. Второй проект предполагал строительство в долине Тигра вверх по течению от Ашшура и угрожал затоплением ассирийской столицы Ашшур, что вызвало широкие, но несколько бесполезные дискуссии о том, стоит ли возводить дорогой саркофаг вокруг памятника или же значительно понизить высоту плотины. Д-р Муайад Дамерджи, в то время возглавлявший Государственный комитет древностей и наследия Ирака, очень просто сформулировал дилемму: «нам нужна вода, и нам нужен Ашшур». Этот участок долины был обследован еще в 1987 г., были раскопаны несколько памятников, однако планируемая Махульская плотина так и не была построена (Mühl & Sulaiman, 2011). Третий проект предполагал строительство на Тигре непосредственно ниже Эски-Мосула: первоначально он назывался Бадушским, а сейчас известен как Сеннахерибский; он был спланирован в качестве подпорной дамбы на случай катастрофического прорыва Эски-Мосульской плотины непосредственно выше по течению, хотя емкость водохранилища Бадуш 0,5 млрд куб. м могла составлять лишь небольшую долю от того, что находится выше. Иракцы провели ширококомасштабные раскопки средневе-

кового города Балад, но строительство дамбы так и не было закончено.

Эски-Мосульская плотина является четвертой по величине дамбой на Ближнем Востоке и неофициально признана «самой опасной плотиной в мире» из-за угрозы того, что без постоянного технического надзора и заливки бетоном ее основание может быть разрушено, так как запруживание привело к огромной нагрузке на низлежащие геологические пласты и протечке сквозь постоянно размываемую скалу под водохранилищем. Министерство водного хозяйства Ирака составило отчет, согласно которому в случае катастрофического прорыва образовавшаяся волна может достигать 54 м в высоту и за 48 часов дойти до Багдада, вызвав, по оценкам, 500 000 жертв (позднее посольство США насчитало 1 500 000 жертв) с масштабным уничтожением имущества и инфраструктуры, за которым последуют беспрецедентное перемещение населения, болезни и беспорядки. После 2003 г. эта информация приобрела гласность и была опубликована, когда 7 августа 2014 г. ИГИЛ² ненадолго захватило комплекс плотины: именно возвращение плотины было основной целью контр наступления иракского правительства. Заливка фундамента плотины была возобновлена с 2008 по 2015 г., на нее уже израсходовано 95 657 тонн различных смесей цемента, бентонита и песка. Подобные мероприятия проведены и на других плотинах, где были обнаружены такие же проблемы, но в данном случае предполагается наибольшая опасность. Единственной хорошей новостью является то, что скорость заиливания замедлилась, вероятно, благодаря запруживанию новыми дамбами вверх по течению в Турции, и на этом основании гарантийный срок использования дамбы повышен до 169 лет.

Заключение

Строительство плотин и спасательная археология в Ираке пока еще находятся на относительно ранней стадии своей истории. Результативность и значение первых археологических проектов были ограничены имевшимися ресурсами, в то время как более поздние проекты были организованы исходя из того, что начатые ранее исследования могут быть на какое-то время заморожены, и это вызвало максимальный приток средств для до сих пор археологически не изученных территорий. Ирак является самым успешным примером организации многоуровневых проектов, а

также привлечения международного внимания к угрозам разрушения и возможностям исследования ранее малоизвестных объектов речной долины. В каждом случае иракскими археологами проводились предварительные археологические разведки и картографирование, которые вводились в научный оборот. После этого предоставлялись концессии на исследование одного или нескольких памятников в пределах определенной территории. Иракские археологические отряды работали непрерывно; вели раскопки памятников широкими площадями независимо от их датировки, обычно расчищая целые строительные комплексы; переходили от памятника к памятнику по мере того, как на каждом из них были достигнуты поставленные цели. В отличие от этого, международные группы работали ограниченное время в году, в зависимости от того, какими средствами располагали их организации: британские и японские экспедиции отличались тем, что они работали почти круглогодично и были менее ограничены университетскими сроками и музейными бюджетами. Большинство международных отрядов были сосредоточены на отдельных памятниках и занимались конкретным хронологическим периодом, хотя британские, японские и итальянские экспедиции пытались изучить как можно больше эпох, чтобы охарактеризовать долговременную историю (каждого) поселения. Методология раскопок менялась, но хотя между многими отрядами поддерживались неформальные контакты, формальная координация или обмен специалистами почти отсутствовали. Почти не проводилось систематическое восстановление окружающей среды, не использовалась геофизика, еще не существовало современных методов, таких как съемка с беспилотных летающих аппаратов, которая сейчас считается стандартом исследований. Во многих случаях в ходе различных проектов фиксировались новые объекты, но не всегда они тщательно исследовались. К сожалению, как и вообще в археологической работе, а особенно при новостроечных исследованиях, во многих проектах наблюдается отставание итоговых публикаций, а некоторые результаты вообще могут остаться неопубликованными.

Перспективы, касающиеся указанных или каких-либо других крупных плотин, сейчас неясны. Они становятся национальными символами, широко освещаемыми через средства массовой информации, на почтовых марках и денежных купюрах, но эффективный срок использования большинства плотин, по расчетам, не превышает 50 лет, после чего отложения осадков уменьшают выработку достаточного количества гидроэнергии. Они сохраняют свою

² Запрещенная на территории России террористическая организация. – *Примеч. ред.*

полезность для регулирования наводнений и хранения воды для орошения, но как только они превращаются в мертвые резервуары, возрастает опасность их заражения и, соответственно, уменьшается их способность служить источником пресной воды. Крупные плотины требуют постоянного обслуживания, и даже незначительные сбои могут приводить к опаснейшим инцидентам. Наихудшим сценарием таких катастроф является прорыв дамбы, и неизвестно, можно ли будет сдержать в этом случае огромные потоки воды, даже если ниже по течению имеются вспомогательные подпорные плотины. В каждом таком случае возможны гибель людей и разрушение инфраструктуры.

В большинстве случаев мы очень мало знаем о долговременном воздействии плотин на затопленные археологические памятники – это воздействие, вероятно, может быть различным. Те памятники, которые находятся в местах флуктуации уровня воды в зонах повышенного риска наводнений, сильно страдают от подмыва их поверхностных частей, и, возможно, ар-

хеологические памятники, расположенные близко к началу водохранилищ или около шлюзов плотин, размываются быстрее из-за сильного течения воды в этих местах. Однако поскольку водохранилища удерживают большую часть осадков, приносимых реками, многие памятники должны постепенно покрываться и защищаться этими накапливающимися осадками, а также благодаря отложениям гравия и гальки, которые выше или ниже по течению позволяют образоваться экрану из тонких осадков и глины непосредственно выше плотины. Из-за этого затрудняется также и обнаружение объектов, но дистанционное обследование с помощью беспилотников представляет собой перспективный потенциал для исследования культурного наследия. Недавно на одном из памятников на левом берегу Мосульского водохранилища, где нет возможности исследований с близкого расстояния, было обнаружено монументальное здание II тыс. до н. э. с настенной росписью. Это показывает, какие важные открытия еще могут быть сделаны при интенсивном исследовании ландшафтов водохранилищ.

- Al-Soof*, 1970 – *Al-Soof B.* Mounds in the Rania Plain, and Excavations at Tell Bazmusian // *Sumer*. 1970. Vol. 26. P. 65–104.
- Bahnassi et al.*, 1974 – *Bahnassi A. et al.*, Antiquités de l’Euphrate. Exposition des découvertes de la campagne internationale de sauvegarde des antiquités de l’Euphrate. Aleppo: Direction Générale des Antiquités et des Musées, 1974. 111 p.
- Brandt, Hassan*, eds 2000 – *Brandt S. A., Hassan F.* (eds). Dams and Cultural Heritage Management. Final Report, August 2000. Cape Town: World Commission on Dams Secretariat, 2000. 76 p.
- Demirji ed.*, 1987 – *Demirji M. S.* (ed.). Researches on the Antiquities of Saddam Dam Basin Salvage and Other Researches. Baghdad: State Organisation of Antiquities & Heritage, 1987. 358 p.
- Eidem*, 2015 – *Eidem J.* Dams and Damage. Heritage loss and second phase salvage on the Rania Plain (Kurdish Region of Iraq) // Annual Report NINO and NIT, Netherlands Institute for the Near East / The Netherlands Institute in Turkey. 2015. P. 2–13.
- Finkel, Rey & Schulz-Dornburg*, 2018 – *Finkel I. L., Rey S., Schulz-Dornburg U.* No man’s land. London: The British Museum, 2018. 48 p.
- Ghasemi*, 2014 – *Ghasemi P.* The Khersan 3 archaeological survey: New insights into settlement patterns in the Zagros folding zone from hydro-dam project archaeology // *Ancient Near Eastern Studies*. 2014. Vol. 51. P. 167–211.
- Gibson*, ed. 1981 – *Gibson McG.* (ed.). Uch Tepe I. Chicago: The Oriental Institute, 1981. 197 p.
- Hassan*, 2007 – *Hassan F. A.* The Aswan High Dam and the International Rescue Nubia Campaign // *The African Archaeological Review*. 2007. Vol. 24. No. 3-4. P. 73–94.
- Kepinski, Lecomte & Tenu*, eds 2006 – *Kepinski C., Lecomte O., Tenu A.* (eds). *Studia Euphratica*. Le moyen Euphrate iraquien révélé par les fouilles preventives de Haditha. Paris: De Boccard, 2006. 415 p.
- Lupton*, 1996 – *Lupton A.* Stability and Change, Socio-political Development in North Mesopotamia and South-East Anatolia 4000–2700 B.C. Oxford: Tempus Reparatum, 1996. 144 p.
- Marchetti N. et al.*, 2019 – *Marchetti N., Curci A., Gatto M. C., Nicolini S., Müh S. & Zaina F.* A multi-scalar approach for assessing the impact of dams on the cultural heritage in the Middle East and North Africa // *Journal of Cultural Heritage*. 2019. Vol. 37. P. 17–28.
- Margueron*, 1977 – *Margueron J.-Cl.* Le moyen Euphrate: zone de contacts et d’échanges. Strasbourg; Leiden: Université de Strasbourg, Brill, 1977. 416 p.
- Mühl & Sulaiman*, 2011 – *Mühl S., Sulaiman B. S.* The Makhül Dam Project’ // *Between the Cultures*. The Central Tigris Region from the 3rd to the 1st millennium BC. Proceedings of a Conference at Heidelberg, 22–24 January 22 2009 / Eds P. Miglus, S. Mühl Heidelberg: Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 2011. P. 371–84, pls XXV–XXIX.

- Olmo Lete & Montero Fenollós*, eds 1999 – *Olmo Lete G. del & Montero Fenollós J.-L.* (eds). *Archaeology of the Upper Syrian Euphrates: The Tishrin Dam Area. Proceedings of the International Symposium Held at Barcelona, January 28th–30th 1998.* Barcelona: Editorial AUSA / Institut del Pròxim Orient Antic, Universitat de Barcelona, 1999. 762 p.
- Özdoğan*, 2000 – *Özdoğan M.* *Cultural Heritage And Dam Projects In Turkey: An Overview' // Dams and Cultural Heritage Management. Final Report, August 2000 / Eds S. A. Brandt, F. Hassan.* Cape Town: World Commission on Dams Secretariat, 2000. P. 58–61.
- Sandes*, 1937 – *Sandes E. W. C.* *The Royal Engineers in Egypt and the Sudan.* Chatham: Institution of Royal Engineers, 1937. 571 p.
- Säve-Söderberg*, 1987 – *Säve-Söderberg T.* *Temples and tombs of ancient Nubia.* London: Thames and Hudson, 1987. 256 p.
- Simpson*, 2007 – *Simpson St J.* *Ancient Settlement in the Zammar Region. Excavations by the British Archaeological Expedition to Iraq in the Eski Mosul Dam Salvage Project, 1985–86 / Ed. W. Ball. Volume Two. Excavations at Tell Abu Dahir.* Oxford: Archaeopress, 2007. 162 p.
- Solecki*, 1953 – *Solecki R. S.* *A Programme for Salvage Archaeology in the Projected Flood Basins in Iraq // Sumer. 1953. Vol. 9. No. 1. P. 101–103.*
- Solecki*, 1972 – *Solecki R. S.* *Shanidar. The Humanity of Neanderthal Man.* London: Allen Lane, Penguin, 1972. 288 p.
- Sulaiman*, 2011 – *Sulaiman B. S.* *A Brief Report on the al-Adhaim Dam Salvage Project // Between the Cultures. The Central Tigris Region from the 3rd to the 1st millennium BC. Proceedings of a Conference at Heidelberg, 22–24 January 22 2009 / Eds P. Miglus, S. Mühl. Heidelberg: Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, 2011. P. 385–394, pls XXX–XXXIII.*
- Tuna & Öztürk*, eds 1999 – *Tuna N., Öztürk J.* (eds). *Salvage Project of the Archaeological Heritage of the Ilisu and Carchemish Dam Reservoirs Activities in 1998.* Ankara: Middle East Technical University, 1999. 367 p.
- Various 1981a – *Sumer 40. Special Issue: Researches on Himrin in the two international symposiums, second and third held in 1979 and 1981.* Baghdad.
- Various 1981b – *Sumer 42. Special Issue: Researches on the antiquities of al-Qadissiya Dam & Ashur in the two international symposiums, second and third held in 1979 and 1981.* Baghdad.
- Welsby*, 2008 – *Welsby D.* *Dams on the Nile: from Aswan to the Fourth Cataract // Sudan Studies. 2008. Vol. 37. P. 5–18.*
- Whallon*, 1979 – *Whallon R.* *An Archaeological Survey of the Keban Reservoir Area of East-Central Turkey.* Ann Arbor: University of Michigan, 1979. 309 p.
- Wilkinson & Tucker*, 1995 – *Wilkinson T. J., Tucker D. J.* *Settlement Development in the North Jazira, Iraq. A Study of the Archaeological Landscape.* Warminster: Aris & Phillips for the British School of Archaeology in Iraq, 1995. 228 p.
- Willcocks*, 1889 – *Willcocks W.* *Egyptian Irrigation.* London: E. & F. N. Spon, 1889. 367 p.
- Willcocks*, 1911 – *Willcocks W.* *The irrigation of Mesopotamia.* London: E. & F. N. Spon, 1911. 136 p.

Archaeology and politics in the age of dams: a survey of evidence from Iraq

St John Simpson

Since the 1950s large-scale dam projects have been carried out across the world. The archaeological component has varied greatly, even within some countries. In almost all cases the inauguration of these expensive infrastructure works has been celebrated nationally through media and visually on currency and postage stamps. The history of dams and archaeology is a rich but sometimes contentious mix of politics and opportunity. Ottoman authorities brought British engineers from India to advise on hydraulic measures in Egypt and it was at Aswan that the first rescue archaeology took place at the beginning of the twentieth century. The same engineers recommended other measures in Mesopotamia but, although the first steps were taken in Iraq under the British Mandate, it was only after

nationalisation of the oil industry that they began to be seriously implemented. Egypt, Syria and Iraq looked to the Soviet Union and its leading dam design company, Institute Hydroproject. Turkey turned instead to European companies whereas Iran at first relied on America although both countries now use their own expertise. Despite the Cold War politics, international teams collaborated on the Nile, Euphrates and Tigris, and the results transformed understanding of Nubia, the neolithic and many other key periods as well as the interconnection zones between regions previously regarded as heartlands of civilisation. After a brief review of the history of dam archaeology in the Middle East, this paper looks at the development of some of these projects in Iraq.